

№ 1 АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *NEW YORK TIMES*

РОБИН КАРР

Осознанный риск

РОМАН

Робин Карр обращает свой писательский взор на простые вещи, большое значение придает семейным ценностям, она создает свои романы для широкого круга читателей.

likesbooks.com

Робин Карр

Осознанный риск

«Центрполиграф»

1989

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Карр Р.

Осознанный риск / Р. Карр — «Центрполиграф», 1989

ISBN 978-5-227-11342-9

Неисправный камин в съемном доме становится причиной пожара... Все, что остается у Крис и ее маленьких детей, – незаконченная книга и... Майк – пожарный, который вынес ее из огня... Когда-то он сам потерял в автокатастрофе жену и дочь. Возможно, Крис послана ему, чтобы он смог снова стать счастливым? Несмотря на тайны, которые скрывает Крис о своей прошлой жизни, он не хочет потерять эту женщину...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-11342-9

© Карр Р., 1989
© Центрполиграф, 1989

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Робин Карр

Осознанный риск

Спасибо Пэт Уоррен и Вики Льюис Томпсон.

Автор выражает благодарность Джону и Джорджи Боковен за их интерес в данном проекте.

Informed Risk

Copyright © 1989 by Robyn Carr

«Осознанный риск»

© «Центрполиграф», 2024

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2024

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2024

Глава 1

Крис услышала глухой удар. Обогреватель работал. Скоро тепло начнет заполнять ее покосившийся домишко. Она сморщила нос; от нагревательных приборов, когда включаешь их первый раз, всегда пахнет горелой пылью и сажей. Снова повернулась к ноутбуку и сосредоточилась на последней главе романа о двенадцатилетнем подростке по имени Джейк. Она переписывает роман в седьмой раз. Может, теперь придумает достойный конец его мучениям в средней школе.

Это была уже четвертая попытка написать роман о подростке, и Крис знала, что близка к цели. Все предыдущие версии редакторы охарактеризовали как «живые» и «яркие», но также «громоздкие», «нелогичные» и «местами нескладные».

Перестав печатать, Крис снова сморщила нос. Неужели и должно так плохо пахнуть? Она спросила хозяина дома, нужно ли проверить или почистить обогреватель, прежде чем включить его, но тот заверил ее, что все и так хорошо. Разумеется, все в полном порядке, за исключением этой старой ловушки для мышей. Честно говоря, она никогда их не видела, но при уборке ей то и дело попадались странные маленькие шарики; это доказывало, что мыши в ее доме все-таки водились. Однако в ловушки, которые она установила, слава богу, никто не попадался.

Крис с детьми старалась как можно дольше обходиться без обогревателя, а потом включать центральное отопление. Коммунальные платежи ощутимо били по бюджету в преддверии Рождества, а та сумма, которой она располагала, была просто крошечной. Но сегодня температура могла опуститься ниже нормы, и одних спальных мешков детям будет недостаточно.

Крис посмотрела на часы в кухне. Почти полночь. Глаза слезились, но она твердо решила, что допишет последнюю главу сегодня. И потом роман, возможно, опубликуют. По большей части она делала это ради Джейка, большого ребенка, который – как и она – заслужил счастливый конец, совсем не странный или местами неуклюжий.

Что касается публикации, то все отзывы были ободряющими; редакторы просили ее прислать будущую работу. «Пишите о том, что знаете», – советовали ей. Разумеется, Крис знала, каково быть двенадцатилетним подростком, отстаивать собственные взгляды и в то же время бороться с чувством неуверенности. Эта дилемма была знакома ей даже в двадцать семь.

Пронзительная сирена датчика дыма вывела Крис из задумчивости. Звук очень испугал ее. Ошеломленная, она посмотрела на стопки библиотечных книг, копии журнальных статей и ноутбук на кухонном столе. Через дверной проем обвела взглядом гостиную с двумя креслами, старым телевизором, разбросанными игрушками и журнальным столиком с остатками ужина.

Из обогревателя сочился дым.

Она вскочила с кресла, выключила термостат и понеслась в комнату детей, быстро схватила пятилетнюю Кэрри и трехгодовалого Кайла.

– В доме пожар, – сказала Крис, подталкивая детей к двери через густой дым. – Выходим на улицу. Быстро.

Пробегая мимо датчиков дыма, она молилась, чтобы ситуация была не такой серьезной, какой казалась. Возможно, это всего лишь загорелась пыль? Или сажа? Или просто неполадки? Но она ни на секунду не остановилась, пробираясь к парадной двери.

Только когда они оказались в полной безопасности, Крис смогла оценить ситуацию. В соседних домах было темно. Даже при дневном свете они выглядели мрачными, а сейчас вообще казались пугающими. Ее старая «хонда» стояла на улице. Она открыла дверцу, затолкала туда детей и достала одеяло с заднего сиденья.

– Накройся, Кэрри. И ты, Кайл, тоже. Вот так, умница. Мне нужно позвонить в пожарную охрану. Не выходите из машины. Ни в коем случае. Слышите?

Кайл начал хныкать. Кэрри накрыла его одеялом и кивнула матери, а затем стала успокаивать мальчика, приговаривая: «Ну все, все».

Крис захлопнула дверцу и побежала к соседнему дому, такому же маленькому, обветшалому, с облупившейся краской, как и тот, где она жила. Позвонила в звонок и забарабанила в дверь. Минутой позже не выдержала, метнулась к дому на противоположной стороне улицы и вновь стала звонить, стучать и кричать. Крис была в панике. Сколько времени требуется для того, чтобы встать? От нетерпения она переминалась с ноги на ногу. И здесь свет тоже не зажегся.

– Ну давайте же, давайте! Здесь есть кто-нибудь?

На крыльце первого дома зажегся свет.

– Проклятье, – пробормотала Крис и развернулась, чтобы бежать туда.

Сзади нее тоже зажегся свет.

– Черт побери, – прошептала она, снова поворачиваясь.

Сонный, небритый и недовольный мужчина открыл дверь. На нем были короткий халат и шорты. И тут Крис вспомнила, что сама одета в просторную футболку, мокасины и нижнее белье. Фиолетового цвета, если быть точной. Вот так.

– Позвоните в пожарную службу, – попросила она своего непривлекательного соседа. – Наша печь горит. Мои дети в машине. Быстрее! Быстрее!

Крис побежала к машине и открыла дверцу:

– Вы в порядке?

Малыши были похожи на двух птенцов, выглядывающих из-под одеяла.

– Мама, что будет с Чиксом? – поинтересовалась Кэрри.

– Чикс на заднем дворе, милая. С ним все в порядке, – ответила Крис, прислушиваясь. – Он лает. Слышишь?

Девочка кивнула, тряхнув светлыми кудряшками.

– Можно, Чикс побудет с нами в машине?

– Я приведу его через минуту. Оставайтесь здесь. Обещаете?

Снова кивок.

– Я сейчас вернусь. Пожарная машина уже выехала. Очень скоро вы услышите сигнал сирены.

– Наш дом сгорит?

– Сгорит? – повторил Кайл.

– Все будет хорошо. Оставайтесь здесь. Я сейчас вернусь.

Крис понимала, что глупо входить в горящее здание, это могло стоить жизни. Но в данной ситуации она пришла к выводу, что все не так уж и безрассудно. Во-первых, она видела только дым, а не огонь. Во-вторых, дом такой крошечный, что кухонный стол, на котором лежал ее ноутбук, находился не более чем в десяти шагах от парадной двери – она оставит ее открытой на случай быстрого побега. И в-третьих, Крис не собиралась входить, не убедившись, что это относительно безопасно.

Вдалеке слышались звуки сирены. Подстанция была всего лишь в миле отсюда. Она все сделает быстро. Кроме того, дым не был ужасным, ослепляющим или удушливым. И Крис придумала план.

Она глубже вдохнула чистого воздуха и помчалась в сторону кухни. Даже если дом сгорит дотла, холодильник ведь не пострадает? Поскольку вынести все материалы и ноутбук за один раз не представлялось возможным, она открыла холодильник и стала запихивать в него листы. Она не собиралась писать такую длинную книгу. Как же столько бумаг набралось? Затем последовали первоисточники и дорогие справочники. Один из них, под названием «Сакраменто», оказался в масленке, но Крис было не до опрятности. Она выкинула пол-литра молока, чтобы освободить место для стопки откопированных материалов – звук сирен становился все громче

– и поставила на место кувшина с яблочным соком большой старый словарь, приобретенный на гаражной распродаже. Казалось, сирены постепенно затихли.

Внезапно Крис почувствовала головокружение. Ноутбук, сквозь туман подумала она. Хватит ли сил вынести его? Но все стало расплываться. Она посмотрела на вентиляционное отверстие. Все из-за обогревателя, сквозь туман подумала она...

Первая пожарная машина остановилась возле старой зеленой «хонды», и пожарные выпрыгнули на тротуар. Грузовик с лестницами и шлангами подъехал следом. Когда его люди потянули шланг к крану, капитан Майк Кавано посмотрел на горящий дом и приблизился к мужчине в шортах и коротком халате, стоявшему на обочине. Ему сказали, что горит обогреватель. Он заметил, что волны жара исходят от крыши. Пожар мог начаться в подвале, но в таком старом доме без всякой защиты он уже наверняка дошел и до чердака. Группа поднимется вверх по лестнице. По рации он приказал:

– Поднесите шланг к дому, чтобы залить водой первый этаж. Затем мы вскроем крышу. – Затем он повернулся к мужчине в халате: – В доме кто-нибудь есть?

– Это дом какой-то женщины. Она здесь только пару месяцев. Вон там ее дети.

– Это вы звонили?

– Да, она постучала в мою дверь, сказала, что ее печь горит и дети сидят в машине.

Майк почувствовал, что кто-то дергает его за куртку, и посмотрел вниз. Лицо, смотревшее на него, поразило, почти потрясло его. Это была маленькая, похожая на ангела, белокурая девочка; черты ее лица показались ему очень знакомыми. На ней была только пижама, как и на ее младшем брате. Одной рукой он тянул за собой одеяло, а другой держался за пижаму сестры.

– Наша мама в доме, – сказала девочка. – Она велела нам оставаться в машине.

– Тогда вам лучше вернуться в машину. Я приведу вашу маму.

Майк произнес это спокойно, но затем бросился бежать, на ходу натягивая респиратор.

– Женщина внутри, – сообщил он пожарному, стоящему рядом. – Я организую. Командование принимаете на себя.

Пожарный по имени Джим Эбл отдал команду.

– Ох уж эти женщины, – пробурчал Майк.

Обязательно им нужно что-то вытащить из огня, чаще всего кошелек или какие-нибудь украшения, а некоторые настолько глупы, что пытаются забрать обувь или платье.

Он был готов к чему угодно, но только не к той картине, которую увидел в нескольких шагах от входной двери: маленькая женщина с волнистыми волосами, стянутыми в тугий конский хвост, в тапочках, бесформенной футболке и шелковых фиолетовых – да, именно фиолетовых – трусиках. Майк хорошо разглядел их, потому что она стояла согнувшись и что-то искала в холодильнике. И это в горящем доме!

Мужчина тронул ее за плечо:

– Вы что, проголодались?

Вряд ли она разобрала хоть слово, так как пожарный был в маске.

Когда женщина повернулась к нему, он сразу же заметил пепельную бледность и стеклянные глаза. Она закашлялась, ее колени подкосились, и ему пришлось обхватить ее за талию. Она повисла у него на плече как тряпка. Может быть, ее еще и стошнит ему на спину, такое уже бывало.

Майк понес любительницу фиолетового белья к выходу. Шелк был возле его уха, создавая неизгладимое впечатление, даже несмотря на царящий здесь хаос.

Оказавшись на улице, Майк отнес ее к машине и стянул маску с лица.

– В доме есть кто-нибудь еще? – спросил он.

– Чикс... Только Чикс, – прохрипела женщина. – Он на заднем дворе.

– Что за Чикс?

– Собака... Фокстерьер, – с трудом проговорила она и снова закашлялась.
Джиму пришлось усадить ее на стул.

– Я приведу собаку, – сообщил Майк своему другу. – Печь находится в подвале. Прямо в середине дома. Крыша не новая.

Он пошел на задний двор.

– Вот, – сказал Джим и протянул Крис маску. – Немного кислорода приведет вас в чувство.

Его голос звучал гораздо мягче, чем голос ее спасителя, как показалось Крис. Внезапно у нее закружилась голова, а к горлу подкатила тошнота. Она резко отстранилась от пожарного. Ее тошнило. Крепко держась за спинку стула, она дрожала, тяжело дыша. Мужчина протянул ей платок:

– Вам скоро станет лучше. – Он похлопал ее по спине. – Все будет хорошо. Не переживайте.

Крис взяла салфетку и протерла лицо. Она умирала от смущения. Кто-то быстро принес зеленый мешок для мусора и убрал все. Наверное, так они всегда делают при пожаре. Это их обычная работа.

– Наша мама больна? – спросила Кэрри тоненьким голоском.

– Больна? – эхом повторил Кайл.

Пожарный сел на корточки и посмотрел в их маленькие лица:

– Совсем нет. Она просто наглоталась дыма, и ее затошнило. Сейчас ей лучше. Правда, мама?

Крис выпрямилась, закрыла глаза и кивнула. Она еще не могла говорить, но уже чувствовала, как лицо наливается краской. Дело было вовсе не в том, что их дом горел; она оказалась на улице практически без одежды и ужасно этого стыдилась.

– Мама расстроится, если ее книга сгорит, – сказала Кэрри пожарному.

– Ну, всегда можно купить другую, не так ли? Но найти такую же замечательную маму, как ваша, очень сложно. Поэтому мы никогда не возвращаемся в горящий дом.

– Но наша мама пишет книгу. Это очень сложно и занимает много времени! – негодуя возразила Кэрри.

Заметив на себе взгляд пожарного, Крис натянула до колен футболку. Постепенно ей становилось лучше.

– Не переживай, Кэрри. Он прав. Мне не следовало возвращаться в дом. Это очень глупо и опасно. – Она взглянула на Джима: – У вас не найдется воды?

– Здесь трудно найти питьевую воду, – ответил мужчина, встав и оглядевшись по сторонам.

Крис посмотрела на три разных шланга, тянущиеся по газону к ее дому, и покачала головой.

– Я попрошу у соседей, – сказал Джим.

Через минуту он вернулся с бумажным стаканчиком. Сделав несколько глотков, Крис заметила, что он протягивает ей одеяло.

– Спасибо, – поблагодарила она. – Если бы я знала, что вы приедете, обязательно бы оделась.

– Не беда, – пожал плечами Джим. – И вообще, вы не должны стесняться. С такими ногами, как у вас... – И быстро отвернулся.

Слава богу, одеяло было до пят.

– Эй! Эй! – прокричал какой-то баритон, и раздался грохот.

Часть крыши, по которой стучали пожарные, отвалилась, и огонь вырвался наружу. Двое пожарных настезь распахнули парадную дверь, а двое других подтащили большой шланг. Они были везде: внутри, снаружи, на крыше.

Поразительно, подумала Крис. Еще пару минут назад она видела только небольшой дым, сейчас его уже гораздо больше, и ярко-оранжевые языки пламени пожирают дом.

Из темноты вышел высокий пожарный, спасший ей жизнь. Он подошел к ним. В руке у него был серый комок шерсти, издававший грозные звуки. Мужчина отдал собаку Крис. Чикс, которому не нравилось, когда его брали на руки незнакомцы, рычал и тявкал. Он был рассержен.

Дети тесно прижались к Крис, и она обняла их, пытаясь успокоить, словно создавая круг безопасности, которой сама не чувствовала. Поставив Кайла на стул и обняв Кэрри, она заметила соседей. Раньше они никогда не встречались, но теперь все были на улице и смотрели, как горит ее дом.

– Может быть, нам еще и вечеринку устроить, – пробурчала Крис, целуя детей. Чикс принялся облизывать ее лицо. – Ой, – сморщилась она.

– Поступил еще один сигнал? – спросил один пожарный другого.

– Да.

При этих словах еще одна огромная красная машина выехала из-за угла. Теперь их было четыре. Крис предположила, что они не услышали вой сирены из-за суеты: криков, рева двигателей, сигналов по рации, шипения воды и свиста, треска и грохота всего.

Вновь прибывший грузовик мигал фарами, напоминая большого бегемота. Вскоре стрела с корзиной неподвижно застыла над верхушками деревьев. Из шланга, поднятого вверх, полилась вода.

Борьба с огнем, как показалось Крис, превратилась в снос дома. Она вздрогнула от звука бьющегося стекла и треска дерева. Дом был разрушен. Движение на улице оживилось, заметила она. Подъехали полицейские машины и «скорая». Крис с детьми и собакой тихо сидела в машине номер 56.

По щекам ее потекли слезы. Все пропало. Хотя и было-то не очень много. До Рождества полтора месяца. Ей двадцать семь, и уже в третий раз за семь лет она чувствует беспомощность, отчаяние, так как все, что у нее было, исчезло, и на этот раз у нее на глазах. Сначала погибли ее родители в авиакатастрофе. Ей тогда было двадцать, и она была единственным ребенком. Потом ушел Стив; он даже не попрощался, только использовал ее чувства и деньги, доставшиеся ей после смерти родителей. Теперь еще и дом.

– Мама, а где мы будем спать?

– Я... о, милая, мы что-нибудь придумаем. Не волнуйся.

– Мама, наши спальные мешки тоже сгорели? Как же мы будем без них?

– Послушай, Кэрри. – Голос Крис дрожал вопреки всем ее попыткам скрыть это. – Мы справимся.

Дом был очень старый, и хозяин совсем его запустил. Очень скоро он стал похож на большую хижину. Крис смотрела на происходящее, пораженная, не замечая, сколько прошло времени. Она даже не чувствовала холода.

Одна из машин уехала. Соседи пошли спать, не предложив ей помощи. Черт, они ушли, даже не представившись! Полицейский записал ее показания: обогреватель вышел из строя после того, как она отрегулировала термостат, затем пошел дым. Вот и все. Он дал ей карточку с номерами телефонов организации «Помощь пострадавшим» и Красного Креста и пошел к своей машине. «Скорая» уехала ни с чем. Кайл тихо посапывал у нее на плече, завернутый вместе с Чиксом в одеяло. Кэрри прислонилась к ней, глядя вокруг с удивлением и страхом. Было уже около двух часов ночи, когда Крис осознала, что сидит на бампере пожарной машины и понятия не имеет, что делать дальше.

Пожарный, спасший ей жизнь, стоял рядом. На фоне обугленного дома он казался еще выше. Его густые, каштановые, вьющиеся волосы спутались и были влажные. Капли пота впе-

ремешку с сажей стекали по его лицу. У него были глубоко посаженные глаза и широкие брови, отчего глаза казались немного грустными. Его лицо выражало сочувствие.

– Если вы скажете мне встать с машины, я не знаю, куда пойти.

– Вы знакомы с кем-нибудь из соседей?

Крис покачала головой. Она была готова разреваться, вспомнив, как бездушно отнеслись к ее беде.

– Есть ли кто-то, кому вы можете позвонить?

Она пожала плечами. И правда, есть ли? Вряд ли.

– Вы можете пойти в полицейский участок и позвонить оттуда. Или мы разбудим соседей, и вы воспользуетесь их телефоном. Или вы можете поехать в пожарное депо и...

Крис не могла идти в полицейский участок сегодня. И встречаться с бывшими соседями. Глядя на мужчину, вынесшего ее из горящего дома и даже спасшего Чикса, она чувствовала, что зависит только от него.

– У вас здесь есть семья? Муж? Бывший муж? – продолжал расспрашивать пожарный.

– О да, бывший муж. Где-то... – произнесла Крис.

– Мы ведь знакомы? – предположил он.

Крис нахмурилась.

– «Айверсон», – подсказал мужчина. – Супермаркет.

Конечно же Крис вспомнила. До сегодняшней ночи это было единственное, что она знала о местных пожарных. Они часто целой компанией приходили в магазин, придирчиво выбирали продукты. И в такой момент они походили на женщин, идущих группкой в уборную ресторана. Крис работала кассиром в «Айверсоне» и всегда веселилась, когда видела группу рослых мужчин, блуждающих по супермаркету в поисках съестного.

– Да, конечно.

– У вас там наверняка есть друзья.

При чем здесь это, Крис не могла понять. Подразумевала ли работа кассиром какие-либо дружеские отношения? Крис переехала из Лос-Анджелеса совсем недавно, в конце августа, как раз когда Кэрри пошла в школу. У нее было несколько друзей на работе, но она редко им звонила, к тому же сейчас их номера остались в той куче пепла. Она никому не могла позвонить. Ей придется жить в палатке в парке, пока не вернется к себе в Чикаго.

– Подумаю над этим по дороге в пожарное депо. – Крис сделала акцент на последних двух словах. – Думаю, там меньше преступников, чем в полицейском участке. – Она посмотрела на свои тапочки. – Сегодня я одета неподобающим образом, чтобы защищаться от преступников. Как долго я могу использовать одеяло?

Майк вспомнил фиолетовые трусики и впервые обрадовался, что было темно. Его щеки вспыхнули. Он сам почувствовал тепло. Ему едва знакомо было это чувство, и оно ему понравилось.

– Думаю, пока у вас все не уладится, вы можете взять что-нибудь в Красном Кресте. Я попрошу офицера отвезти вас в депо. Мы не можем подбросить вас на своей машине.

– А как насчет моего дома? – поинтересовалась Крис.

– Дома? – переспросил Майк, поглядев через плечо.

– Его же могут разграбить.

– Послушайте, здесь нечего грабить. У вас есть какие-нибудь ценные вещи, не пострадавшие от огня?

– Да, они здесь, – ответила она, прижимая к себе детей.

Он одобряюще усмехнулся, обнажив слегка выдающиеся вперед белоснежные зубы. Ее поразила его улыбка: она выражала не жалость, а человечность.

– Что ж, тогда у вас осталось лучшее из всего, – ответил мужчина и развернулся, чтобы уйти.

– Холодильник, – сказала Крис, и он опять обернулся. – Что с холодильником?

– Он уже не сможет работать.

– Мне наплевать на сам холодильник, – отмахнулась она; в ее голосе снова появилась сила. – Я положила в него ноутбук. И документы по исследованию. В ноутбуке моя книга. Это последнее из ценных вещей, что я...

Крис замолчала, боясь, что ее голос задрожит и она разрыдается. Она крепко прижала к себе детей. В глубине души она чувствовала себя маленькой девочкой, беззащитной, всеми покинутой сиротой. «Неужели никто ничего не может сделать? Почему, ну почему с каждым разом мне везет все меньше и меньше? Почему, когда я думаю, что все налаживается, что-то идет не так? Я даже не знаю, за что мне все это. За что все это мне и моим детям?»

– Это то, чем вы занимались? – спросил Майк.

Она посмотрела на него. Какого цвета его глаза? Карие? Нет, скорее зеленые. И морщинки в уголках.

– А чем, по-вашему, я занималась?

Он взял из кабины фонарик.

– Я понятия не имел. Пойду посмотрю, что с холодильником.

Внезапно Крис поднялась, придерживая Кайла и Чикса.

– Будьте осторожны.

Шланги давно убрали, а из раций доносились обрывки разговоров.

Он вернулся. С ноутбуком. Единственным, что у нее осталось от прошлой жизни. Улыбнувшись, Майк протянул ей ноутбук, целый и невредимый.

– На нем масло. И что-то красное. Похоже на кетчуп.

– Поверить не могу, – выдохнула Крис.

– Надеюсь, он в порядке. Он вам мог стоить намного больше – жизни. Разве вы не знаете, что в горящий дом лучше всего не...

– Спальные мешки? Игрушки? Одежда? – перебила Крис.

Мужчина покачал головой:

– Послушайте, у нас не было времени спасать вещи. Мы пытались, но... Да бросьте, садитесь в машину. Черт бы побрал эти старые дома, – раздраженно сказал он.

Крис пошла впереди к полицейской машине. На руках она несла Кайла и Чикса, а Кэрри плелась рядом, держась за ее одеяло. Пожарный с ноутбуком шел сзади.

– Я знал женщин, которые возвращались за кошельками, но представить себе не мог, что вы делаете у холодильника! Это просто невероятно. Вам действительно повезло.

– Я так совсем не думаю.

– А зря. Дом сгорел почти мгновенно.

Забрав свой драгоценный ноутбук, Крис молча села в машину, и они следом за пожарными поехали в депо. Кайла положили на заднее сиденье, а Крис задержалась с Чиксом из-за его характера. Она пыталась удержать собаку и ноутбук одновременно.

В депо ее проводили в комнату, где было целых два дивана, несколько стульев, письменный стол, телефон, телевизор и даже стол для игры в пинг-понг. Вероятно, здесь они отдыхали в перерывах между пожарами.

Знакомый Крис, рослый пожарный, одетый в брюки на подтяжках и футболку, плотно облегающую его огромные плечи и грудь, стоял в гостинной, как будто ему поручили их встретить.

Кэрри посмотрела на него:

– Наша мама печатает книгу каждый вечер, потому что хочет стать писательницей, а не работать в супермаркете.

– Вот как? – сказал мужчина.

– И это многого стоит, – с гордостью произнесла Кэрри.

Глава 2

После того как закончили приводить себя в порядок другие пожарные, наступила очередь Майка Кавано идти в душ наверх. Он хотел поскорее смыть едкий запах дыма, пропитавший кожу и волосы. Намыливая голову, он думал о матери, живущей неподалеку. Она наверняка проснулась от сирен и лежала без сна, беспокоясь, все ли в порядке с ее старшим сыном. Отец говорил ему об этом, а она все отрицала. Он мог бы позвонить ей, как советовал отец; Майк подозревал, что тот тоже беспокоится. Но, черт побери, ему уже тридцать шесть! Он не собирался звонить матери после каждого вызова, чтобы она могла спокойно заснуть. Кроме того, ни к чему хорошему это не привело бы. Он не всегда мог звонить сразу после вызова, поэтому предпочитал не звонить вообще. Рано или поздно она должна привыкнуть к этому. Он уже более двенадцати лет работает пожарным.

Однако Майк виделся с родителями днем. И даже купил им многоканальный сканирующий приемник, чтобы они могли слушать вызовы по радио. Майк не был таким упрямым, каким хотел казаться.

Он ушел от женщины с детьми около трех часов ночи. Ее звали Кристин Палмер. Он узнал это, столкнувшись с ней в комнате отдыха. Майк дал ей пару подушек и одеял для малышей и одежду для нее – спортивный костюм самого маленького размера. Также он дал Крис свой номер и посоветовал ей немного поспать. Скоро, часов в шесть, пожарные проснутся, и будет пересменка. Кто-нибудь мог бы забрать ее утром, чтобы лишний раз не будить детей.

Наверху в спальне слышалось ворчание. Было не принято приводить сюда пострадавших от пожара, потерявших жилье. На самом деле такое редко случалось. Джим сказал, что это послужит плохим примером для остальных. Хол добавил, что дети будут шуметь и помешают им спать. Стью предположил, что на Майка повлиял фиолетовый цвет, поэтому он и решился на это нововведение.

– Идите спать, истерички, не действуйте мне на нервы, – ответил Майк – сегодня дежурил он.

Майк не мог перестать думать о ней. И даже не из-за фиолетовых трусиков, хотя это тоже вспоминалось ему время от времени. Ему показалось, что он заметил глубокое одиночество в ее глазах. Голубых глазах, вспомнил он. Всякий раз, когда она вздергивала подбородок, мягкие черты ее лица становились дерзкими. Было странно, что люди не спешили помогать жертвам катастроф, особенно таких ужасных, как пожар. Даже пусть соседи не дружили или плохо знали друг друга, но было странно, что никто не предложил все необходимое в таких случаях, не пригласил семью к себе в дом, не позвонил в церковь или в организацию помощи жертвам. В Армию спасения. Но Кристин Палмер всем своим видом демонстрировала, что ей это не нужно.

Майк мог бы и сам позвонить в Армию спасения. Или в Красный Крест. Вместо этого он пошел в душ. Его первой мыслью было отдалиться от этой семьи – их одиночество делало его более чувствительным. Сейчас он решил спуститься и посмотреть, спит она или нет. Он не расстроился бы, будь свет выключен. Или она лежала бы с закрытыми глазами. И все-таки любопытство не давало ему заснуть.

Кристин Палмер вызывала интерес – ведь она была довольно привлекательна, – но больше всего его поразила та маленькая белокурая красавица. Когда-то у него была дочь. И жена. Они погибли десять лет назад. Джоани было только двадцать один, а Шелли – три, когда автомобильная авария унесла их жизни, оставив в сердце Майка глубокие раны. Он почувствовал заряд, похожий на поток электричества, когда этот белокурый ангел дернул его за куртку. Удивительный ребенок. Майк ощутил небывалую легкость, а затем знакомую, нежеланную боль.

Спустившись, Майк услышал характерное рычание. Затем послышалось: «Замолчи, Чикс». Значит, она не спала. Он остановился на пороге комнаты отдыха и увидел, что Чикс лежит на диване у мальчика в ногах. Ему понравилось, что собака охраняет детей. Он чувствовал, что они нуждаются в этом. Брат с сестрой крепко спали; Кайл тихо посапывал. Кристин Палмер сидела за столом, по пояс замотавшись в одеяло, спиной к нему, и держала в руках телефонную книгу.

Терьер приподнялся, оскалил зубы и угрожающе зарычал. Обернувшись, Крис увидела Майка; ее покрасневшие глаза расширились от удивления. Затем она быстро отвернулась и высморкалась, как будто было оскорбительным плакать, когда весь твой мир сгорел!

– Замолчи, Чикс, – строго скомандовала Крис. – Лежать.

Терьер затих, но продолжал наблюдать.

– Он когда-нибудь кусал кого-либо? – поинтересовался Майк, изо всех сил стараясь, чтобы его голос звучал дружелюбно, а не угрожающе.

– Нет, – ответила Кристин, поворачиваясь к нему.

Она натянула гольфы до коленей, чтобы брюки не казались такими широкими. Крис дали костюм самого маленького размера, какой у них был. Она была низкого роста, но подтянутая и хорошенькая, с голубыми глазами, казавшимися строгими, и густыми, выщипанными, светло-каштановыми волосами. Если бы Майк не знал о пожаре и не застал ее плачущей, он решил бы, что такой интенсивный пронизывающий цвет у нее из-за линз.

– Чикс лишь рычит. Он совсем не опасен. Но я ничего не имею против его боевого настроения, когда мы с ним в незнакомом месте.

– Почему вы так странно его называли?

– Кэрри так решила. С тех пор мы его так и называем, – пожала плечами Крис и попыталась улыбнуться. Ее губы распухли, и говорила она в нос. – Мне очень неловко. – Она зашмыгала носом.

– Я все понимаю. У вас сгорел дом. Конечно же вы расстроены.

– О нет, я не про это. Мне... мне некому позвонить. Дело в том, что я здесь недавно. Мы переехали в Сакраменто в конце августа, до того, как Кэрри пошла в школу. Я нашла работу в «Айверсоне» месяц, нет, шесть недель назад. У меня мало знакомых в этом городе. Я знаю лишь номер мистера Айверсона в магазине. У меня есть няня для детей, но у нее нет... – Она запнулась.

Крис хотела сказать «ничего». Няня, Хуанита Хименес, была матерью другого работника супермаркета; их семья была очень бедной. В их квартире было больше людей, чем кроватей. От них не получить помощи.

– Я могу отвезти вас в банк после службы, если вы...

– На моем счете около тринадцати долларов.

– Откуда же вы приехали? – спросил мужчина, садясь на один из стульев рядом с ней.

Чикс зарычал. Майк подумал, что пес вполне может укусить его.

– Из Лос-Анджелеса.

– Что ж, это не так далеко. Возможно, кто-нибудь сможет выслать немного денег или разрешит вам пожить у себя, пока... пока у вас все не наладится?

Он почувствовал, как нахмурились его брови. Мать говорила, что он выглядит злым и недоброжелательным, когда хмурится; но когда Майк начинал думать, брови сами ползли к переносице. А сейчас на его лбу появились складки, потому что он задумался всерьез.

Что-то было не так с Кристин Палмер. Она казалась бедной – но он отвозил тысячи бедных семей в организацию «Помощь пострадавшим», – и она не вписывалась в их число. Люди без средств к существованию, без семьи, друзей, денег, не имеющие членства в церкви, клубах или союзах, обычно не бросались в горящие дома за книгой, которую писали. Странно. Чего же не хватало в этой картинке?

– Лос-Анджелес был так же... временным местом жительства, – смущенно ответила Крис, опустив глаза.

Майк понял, что она врет.

– Миссис Палмер, у вас какие-то проблемы?

Она подняла взгляд:

– Да. Мой дом только что сгорел, я не могу найти ключи от машины, у меня нет денег, – о, у меня было сорок четыре доллара и несколько центов – все мои деньги до зарплаты, но полагаю, что и это пропало. И я соврала насчет Лос-Анджелеса. Я была там более трех лет назад. Я уже заняла у моих прежних друзей столько, сколько они могли мне дать. – Она замолчала, пытаясь успокоиться. – Я уехала не прощаясь. Я вообще не делала ничего предосудительного, мне просто не повезло. Был болезненный развод. Мой муж – негодяй. Такое иногда случается.

– Да, конечно, – сочувственно вздохнул Майк. – Вы звонили в Красный Крест? В «Помощь пострадавшим»?

– Да, – кивнула Крис, – а еще в два кризисных центра, четыре приюта и в церковную группу, помогающую нелегалам. Знаете ли, мой дом сгорел в первую же холодную ночь в Сакраменто. Такое ощущение, будто все исчезли с улиц.

– Безуспешно?

– У меня есть еще два номера, – пожала плечами Крис. – Какой-то гостиницы и местечка под названием Тотем-парк. Кто бы мог представить, что придется спать на улице в этом парке!

– Я понимаю, – нахмурился Майк. – Давайте позвоню в отель.

Она развернула к нему блокнот, в котором записала номер. Он смотрел на спящих детей, пока ждал ответа на линии. Их светлые головы были чистые, а пижамы – теплые и аккуратные. У них были здоровые зубы и кожа и яркие сообразительные глаза; было видно, что о них хорошо заботились.

Этот приют назывался гостиницей, потому что там брали символическую плату, если люди останавливались надолго или могли себе это позволить; это было самое убогое место в городе, известное Майку. Некоторые даже предпочитали ночевать на улице, а не в такой дыре, где трудно было гарантировать безопасность от других бездомных. Несмотря на то что у нее нечего было красть, Кристин Палмер не казалась способной защитить себя. Он снова посмотрел на детей; на линии все еще шли гудки. Тот приют был грязный, отвратительный. Наконец ответили.

– Здравствуйте, это капитан Майк Кавано, Пожарный участок Сакраменто. Мы пытаемся найти приют для бездомной семьи – женщины и двоих маленьких детей. У вас есть свободные комнаты?

Ему ответили, что есть.

– Очень плохо. В любом случае спасибо, – произнес Майк, уже приняв решение, и повесил трубку.

– Я позвоню мистеру Айверсону утром, когда откроется магазин. Он приличный парень. Может быть, выплатит мне вперед немного денег.

– Ведь у вас здесь совсем никого нет?

Он не хотел показаться недоверчивым, но у него самого была большая семья, и ему было трудно представить жизнь без родственников. Кавано – ирландские католики, у них шестеро детей.

– Мои родители погибли, я единственный ребенок. У меня есть незамужняя тетка в Чикаго, но она, кажется, ненавидит меня. Мы очень плохо расстались много лет назад, – горько усмехнулась Крис. – На самом деле это моя вина. Но я думаю, если упаду на колени, буду умолять и просить прощения, она возьмет меня с детьми к себе. В Чикаго. Ха! Я ненавижу саму мысль о возвращении туда, мне так стыдно и неловко.

Она ударила кулаком по столу.

– Знаете, я собиралась вернуться. Хотела помириться с тетей Фло, моей единственной родственницей, помимо детей. Но я планировала сделать это позже, намеревалась прийти с гордо поднятой головой, а не с опущенным взглядом. – Ее голос зазвучал спокойно. – Я ведь неплохая писательница. Некоторым понравились мои работы.

– «Они многого стоят», – процитировал Майк маленькую девочку.

– О, Кэрри – моя самая большая поклонница, – проговорила Крис, и ее голос стал сентиментальным, почти мягким. – И самый лучший ребенок в мире. Никогда не теряла веры в меня. Никогда. – Ее глаза наполнились слезами.

– Значит, у вас больше никого нет, – подытожил Майк.

– Я обязательно что-нибудь придумаю утром. Меня называют изобретательной. Даже порывистой. Думаю, это отличный способ сказать, что я своенравна и со мной трудно сладить.

Майк рассмеялся. Кристин не казалась истеричной, даже при таких обстоятельствах. Не была она и испуганной. И насколько он мог судить, с ним тоже было трудно.

– Пока с вами легко, – возразил он.

– Всему есть предел, не так ли? Я что-нибудь придумаю, во всяком случае, надеюсь на это.

Майк знал подобные ситуации, о них часто сообщали в новостях: какой-нибудь милый, умный, приличный человек сталкивается с трудностями – болезнью, разводом, безработицей. Или даже пожаром. Затем, не имея денег на аренду жилья, уход за ребенком и переподготовку, он или она решает пожить в машине. После трех недель такой жизни уже никто не захочет этого человека нанять. Затем, даже если он каким-то чудом и найдет работу, не сможет работать, потому что негде будет помыться, постирать одежду и негде оставить детей. Замкнутый круг. Нет денег, нет работы. Нет работы, нет денег. Забытые люди, которые когда-то были инженерами или бухгалтерами. Это жестоко.

Пресса сообщала, что ситуация с безработными становилась с каждым годом все хуже и хуже. Условия их жизни были ужасны. Отчаявшиеся и жестокие. Единственное, что объединяло всех этих людей, – одиночество, отсутствие семьи. У Майка была семья.

– Знаете что?.. – начал он. – Может быть, мы поможем вам. Немного...

– Что?

– Вы знаете, пятый канал может рассказать о пожаре и вашем положении.

– Что? О чем вы говорите?

– Пожертвования на ваш почтовый ящик, или банковский счет, или...

– Обо мне будет в новостях!

– Да, потому что ваш дом...

– О нет! Пожалуйста, не делайте этого! Я умру от стыда!

– Вам нечего стыдиться. В случившемся нет вашей вины.

– Нет, нет, это будет ужасно!

Видимо, подумал он, она прячется. От бывшего? Но Кристин не похожа на грабителя или похитителя. Интересно, ее бывший сейчас в тюрьме? Скорее всего, решил Майк. Возможно, это и есть причина. Как бы там ни было, она что-то скрывала. И он хотел знать, что именно.

– Знаете, я живу один. Вы можете остановиться у меня на пару дней. Вместо того чтобы искать приют.

– Что? – Крис едва не рассмеялась. – Да бросьте, это же не входит в ваши обязанности. На самом деле вы обычно не приводите пострадавших от пожара даже в свою комнату отдыха.

– Верно, – признал он, покачивая головой.

Майк и сам удивился своему предложению. Но ведь скоро Рождество, а дети такие милые и хорошенькие. У нее есть секреты, но, он уверен, ничего страшного. Невезение, как сказала Крис. Но черт побери, у них есть он.

– В самом деле, в наши обязанности не входит заботиться о пострадавших от пожара.

Единственный раз мы привели сюда жертву пожара в полночь – это был родственник нашего пожарного. Ребята наверху думают, что я сошел с ума.

– Нам лучше убраться отсюда.

– Нет, никаких проблем. Давайте заключим сделку, Кристин. Могу я называть вас Криси?

– Лучше Крис.

Он кивнул:

– Итак, Крис, я могу показаться глупым, но... Вам здорово не повезло, и мне совсем не нужно знать, что с вами случилось. Ваша маленькая девочка напоминает мне мою дочь. Она была очень похожа на нее. – Он указал на спящую Кэрри. – Белокурая, уверенная, умная. Она погибла в автомобильной аварии вместе с матерью около десяти лет назад. Ей было всего три. И черт возьми, скоро Рождество.

Крис уставилась на него. Она только что потеряла дом и все, что у нее было. Внезапно она поняла, что это не так уж много.

– Итак, – продолжил Майк, заметив, как она смотрит на него, – я провожу дома не очень много времени. Во время дежурства я сплю здесь. У меня есть маленький домик в горах, куда я езжу, когда выпадает несколько выходных подряд, и у меня полно родственников в Сакраменто. Мой дом довольно большой. Там три спальни. Вы можете сделать нужные звонки, начать собирать документы для получения компенсации. Неплохо бы поговорить с владельцем дома об обогревателе, и он, уверен, быстро бы с вами все уладил, но можно действовать и через суд. Если что, я вам этого не говорил! И потом, прежде чем вы упадете на колени перед своей старой незамужней теткой, у вас будет свой угол. У вас нет альтернативы, – пожал он плечами. – Ехать с детьми в один из тех ужасных приютов – не самая лучшая идея. Большинство из них просто отвратительны.

– Ваш дом... – почти прошептала Крис. Сейчас она смотрела на него по-другому. Оценивала его рост и телосложение.

– Мои родители живут недалеко от меня, и я могу оставаться у них, когда не работаю. Возможно, я немного странный, но безобидный. В любом случае у вас есть защитник, – улыбнулся Майк, посмотрев на Чикса.

– Боже мой, это очень... очень щедро с вашей стороны, – проговорила Крис, но в ее голосе звучали подозрительность и настороженность.

Интересно, бывший муж бил ее? И как сильно?

– Общеизвестно, что у пожарных слабость к маленьким детям. Решайте сами. Я живу один, но у меня есть дом. Я, честно говоря, не хотел его покупать, но мои близкие стали надоедать мне, убеждая, что я должен вложить куда-нибудь деньги – например, в недвижимость. Иногда приходится пойти навстречу, лишь бы ваша семья перестала совать нос в ваши дела. Итак, они уговаривают вас что-нибудь купить, затем успокаиваются и начинают называть вас денежным мешком. В моей семье каждый занимается чем угодно, но только не своим делом. Это ирландская традиция, – усмехнулся он.

– Как же ваша любопытная семья отнесется к тому, что вы приютили совершенно незнакомую, измотанную, нищую, разведенную женщину с двоими детьми и собакой?

– Понятия не имею. Думаю, они покачают головой и скажут: «Мы так и знали». Я единственный, кто заставляет их качать головой. Они называют меня вспыльчивым. Отличный способ сказать, что со мной нелегко найти общий язык. – Майк снова широко улыбнулся.

– Вы?

– Да. Разве я не похож на вспыльчивого человека?

Крис наклонила голову и посмотрела на него. Он улыбался.

– Нет, – ответила она, подумав: «Он милый, щедрый, но никак не вспыльчивый». – Правда, они знают вас лучше, чем я.

– Полагаю, у них есть на то причины, – заметил Майк.

Причина номер один – они не могли заставить его жениться после смерти Джоани и Шелли. Это не удалось ни одному из них: ни троим братьям и их женам, ни двум сестрам и всем их друзьям в Сакраменто. «Никогда», – сказал он им. Ему не нравилось ходить на свидания, и он предпочитал не говорить никому о встречах с женщинами. К тому же их было не так много, хотя Майк и скучал по жене и дочери. Он ходил в одну школу с Джоани, женился на ней, когда ему исполнилось двадцать, а ей – восемнадцать.

Он знал, что они поженятся, когда впервые поцеловал ее.

Майку нравилось быть мужем и отцом. Но сейчас он увлекался охотой, затворническим видом спорта. Играл в бейсбольной команде своей бригады, ходил в спортзал, ездил в домик в горах. Он любил сидеть у телевизора с отцом и братьями, когда они не могли достать билеты на матч; любил читать и возиться с машиной. Майк был одиноким, но не замкнутым. Иногда ему был нужен кто-то, с кем можно заняться любовью, но ему не нравилось делать это с незнакомыми женщинами, а таких, которые стали его друзьями за все эти годы, он знал немного. На самом деле их было совсем мало. Поэтому Майк научился находить другие способы тратить энергию и таким образом справился со своей потребностью. Чем больше он ждал, тем меньше чувствовал желание.

Он был тихим, скрытным, одиноким мужчиной, кому не на кого тратить деньги, кроме родителей, братьев и сестер, их супругов и детей. Дядя Майк. Он знал, кем становится – чудачком, милым с одними, раздражительным с другими. Трудным и иногда вспыльчивым. Как Чикс.

– Что вы думаете? Есть еще какие-нибудь идеи?

– Я... о, мне трудно принять... благотворительность. Я не знаю, что если...

– Подумайте о них. – Майк кивком указал на спящих детей. – Видели бы вы те приюты! У вас есть работа, поэтому можете платить мне за проживание, если хотите, позже, когда все уладится. Или поможете мне по дому. Например, убрать или постирать?

Майк изо всех сил старался не нахмуриться, чтобы не выглядеть злым. Но он всегда хмурился, когда врал. Дом был в идеальном порядке, а вещи ему стирала мама. Было бесполезно с ней спорить.

– А вдруг я мошенница? Что, если я найду ключи от машины, обчищу ваш дом и увезу ваш телевизор и стерео из Мехико? – Она постепенно сдавалась.

Майк рассмеялся.

– Они ни за что не разрешат вам пересечь границу с такой собакой. – Чикс сразу же зарычал. – Боже, что за характер! Если он меня укусит, я его выгоню. Он... он безобразничает?

– Нет, – улыбнулась Крис. – Он очень хороший пес, только раздражительный. И дети тоже очень хорошие.

Вот и все. Она больше ничего не сказала, но он понял, что все решено. Они въедут завтра.

Утром, когда Джим готовил омлет для всей команды, Кэрри подошла к Майку и потянула его за куртку. Он посмотрел в ее чудесные голубые глаза.

– Мама говорит, мы некоторое время проживем у вас, так как наш дом сгорел.

– Ты против?

– Нет, – ответила она, улыбнувшись. – Вы хотите, чтобы мы были против?

– Почему? Я ведь вас пригласил.

– Мы всегда собираем наши игрушки и грязную одежду, – сообщила девочка. – Кайл только учится, но он делает успехи.

– Я уверен, вы очень опрятны, – сказал Майк. – А сам я немного неряшлив.

Кэрри внезапно изменилась в лице. Она посмотрела через плечо на младшего брата, который сидел на диване и сосал палец. Затем она снова взглянула Майку в глаза.

– Наши игрушки сгорели, – твердо сказала она.

– О, разве я не сказал тебе? Думаю, я забыл. У меня есть игрушки. Они в доме моей мамы, но она даст их вам, конечно, если вы пообещаете, что не будете их разбрасывать.

Девочка неожиданно улыбнулась и стала еще больше похожа на мать.

– Мы будем их убирать. Мы учимся очень быстро.

Чикс зарычал.

– Ты не заставишь его успокоиться? – попросил Майк.

– Если он привыкнет к вам, то не будет рычать. Только не бейте его. Он разозлится.

– Кажется, он и так злой.

– Да, – сказала она, задорно улыбнувшись. – Но это только кажется.

Майк хотел сжать ее в объятиях. Он испугался самого себя, своего порыва. Впервые с тех пор, как потерял свою дочь, он внезапно, отчаянно захотел обнять ребенка, который нуждался в том, чтобы его обняли.

Он взял девочку на руки. Одиночество, жгучее желание иметь собственную семью нахлынули на него. Что он делает с этим ребенком на руках? Он давно перестал пытаться возместить то, что потерял. Десять лет назад он построил крепкую стену, но этот ребенок у него на руках расшатал ее, почти разрушил.

Все, что у них имелось, исчезло, им не с чего было начинать. Но эти люди совсем не нищие.

Глава 3

Майк открыл парадную дверь, но не стал входить, чтобы все им показать. Они обо всем договорились по дороге. Он сказал, что у него много дел в выходные, а Крис нужно сделать несколько звонков. Ей будет легче, предположил Майк, если никто не станет слушать.

– Заходите и осмотритесь, – сказал он Крис. – Вы без труда найдете две дополнительные спальни. Одна из них с письменным столом и раскладным диваном. И держите детей подальше от гаража. Там много электрических инструментов. Я вернусь к обеду.

– Послушайте, мне неловко одной заходить в дом. Не понимаю, почему вы мне доверяете. Знаете, ведь еще не поздно...

– Вам еще что-нибудь нужно, кроме заботы о детях? – парировал он.

– Нет, – ответила она.

– Так займитесь своими делами. Просто делайте свои звонки. Я поеду к вашему сторежнему дому и постараюсь что-нибудь отыскать. Может быть, кошелек. Ваши ключи были там? А сотовый?

– Нет, только ключи. Сотовый – это слишком дорого, – улыбнулась Крис. – Все это просто здорово. Даже не знаю, как вас благодарить.

– Не берите в голову. Обычно я не делаю того, чего не хочу. Ничего особенного.

– Неправда, – возразила Крис, заглядывая в дом. – Для меня это очень много значит.

– Дом пустует почти все время, – пожал плечами Майк. – Я вернусь через несколько часов. И вот еще что: я буду очень занят пару дней, поэтому надеюсь, вы справитесь со всем без моей помощи. – И добавил, словно ему только что пришло на ум: – Вы... вы можете занять главную спальню, если хотите.

Затем он исчез. Крис осторожно опустила Чикса на пол в прихожей. Пока они стояли и осматривались, пес сбежал по лестнице в устланную коврами гостиную.

– Боже, только бы он не набезобразничал, – вздохнула Крис.

Чикс скакал по полу как заводная игрушка, водил носом по ковру, проверяя, не пометила ли другая собака это место. Он задержался у ножки журнального столика.

– Я убью тебя, – предупредила Крис.

Пока Чикс бегал внизу, Крис с детьми смотрели на лестницу, ведущую в спальни. Их немного пугал дом пожарного. Он был тихим, новым, чистым, чужим. Наконец Крис ступила на ковер, покрывавший лестницу.

Гостиная была оформлена в типично мужских тонах: голубом, сером, темно-фиолетовом и темно-лиловом. Мебель обита велюром. На столиках цвета грецкого ореха лежали многочисленные предметы: пепельница, ароматическая свечка, какие-то книги. Огромный гранитный камин занимал большую часть стены. Даже бревна в нем выглядели чистыми. Невероятно!

Дети усталились на домашний кинотеатр, словно перед ними была ракета. DVD-проигрыватель, огромный плазменный телевизор, диски, колонки, пульта с многочисленными кнопками – все закрыто темным стеклом. Чистым, без единого пятнышка стеклом. Еще картины, точнее, гравюры. Почему он выбрал именно их? Также под стеклом. Работы Макнайта. Макнайт был знаменит своими легкими, уютными, ярко оформленными комнатами, в которых нет людей. Никаких тебе туманных постелей, только строго отделанная гостиная, переполненная вещами, а не людьми, картинами, глядя на которые создается впечатление, будто они сами празднуют свое одиночество. Как и Майк.

– Боже, – прошептала Крис, – мне придется кормить вас в ванной.

– Майк сказал, что он немного неряшлив, – сказала Кэрри, – но я думаю, он быстро учится.

– Конечно, – ответила Крис. – Ничего не трогайте. Видите тот поднос на столике?

Дети кивнули.

– Это единственная вещь, стоимость которой я могу компенсировать.

– Нам можно на него стаканы ставить? Вдруг останутся пятна? – спросила Кэрри.

– Нет. Вы не будете есть и пить в гостиной, – ответила Крис, строго посмотрев на детей. – Думаю, мне придется повсюду носить с собой чистящее средство.

– Я никогда не ела в ванной, – огорчилась Кэрри.

– Я шучу, – успокоила ее Крис.

Она почувствовала комок в горле и увела детей, чтобы они больше не смотрели на гостиную.

Наверху было скромнее, чем в гостиной, но и там все выглядело безупречно. Спальни были большие, просторные и почти без мебели. В одной стояли лишь две кровати, не было даже лампы или тумбочки. В другой был двухместный диванчик, который, как обнаружила Крис, раскладывался в кровать. И еще там был стол, где лежали счета Майка, накрытый стеклом, и под ним несколько фотографий. На одной из них была запечатлена женщина с ребенком. Крис поняла, что это его жена и дочь. Она долго смотрела на них, на тех, кого он потерял. У нее защемило сердце. Бедняга. Как он смог жить? Это было непостижимо. Она похоронила родителей еще до замужества. С тех пор поняла, что самая невыносимая боль не может сравниться с тем, что чувствуют родители, когда хоронят детей. К горлу снова подступил комок.

– Это я рядом с леди? – спросила Кэрри.

– Нет, – мягко ответила Крис. – Нет, милая. Это жена и маленькая дочь мистера Кавано. Они погибли давно, очень давно. Задолго до твоего рождения.

– Он скучает по ним?

– Да, конечно. Это его личное дело. – Или личные чувства, подумалось ей. – Нам не следует задавать ему вопросы об этом. Понятно? – Она присела, чтобы посмотреть Кэрри в глаза. Ей хотелось расплакаться, но она сдерживала слезы. – На самом деле, я думаю, мы вообще не должны говорить, что видели фотографию. Тебе ясно?

– Да. Можно нам посмотреть телевизор?

– Конечно, – выпрямляясь, ответила она. – Пойдемте вниз. Там вы будете сидеть на полу и ничего не трогать.

– А я думала, нам можно потрогать тот поднос.

Крис не испытывала восторга от сдержанно обставленного дома Майка, даже если ее дети и чувствовали обратное. Она восхищалась самим Майком. У него было что украсть. Почему же он так уверен, что она этого не сделает? Откуда он знал, что она будет осторожной? Как он мог так слепо ей доверять? Ей было неудобно пользоваться его тщательно выбранными, аккуратно разложенными вещами, и она чувствовала, что недостойна такого щедрого жеста.

Крис выросла в доме, по сравнению с которым жилище Майка было похоже на комнату служанки. Дом пожарного напомнил ей тот, что они снимали со Стивом, когда только поженились. Однако дети не помнят ничего подобного. От сравнения с тем, что у них было, она содрогнулась, почувствовав жалость к себе, к горлу снова подступил комок. Она побыстрее отвела детей к телевизору, чтобы сделать необходимые звонки.

Мистер Айверсон освободил ее от работы на несколько дней и согласился выплатить авансом сто долларов, сказав, что потом удержит их из зарплаты. Она оставила ему номер телефона, по которому с ней можно связаться, и позвонила няне. Хуанита спросила, нужно ли что-нибудь. Несмотря на то что им было нужно все, Крис сказала, что нет. Няня была доброй и трудолюбивой и сама ничего не имела. В школе Кэрри секретарь посоветовала несколько мест, где могут помочь. Крис не стала говорить, что уже позвонила в большинство из них, сообщила лишь, что Кэрри будет отсутствовать несколько дней. На самом деле она не знала, когда теперь Кэрри снова пойдет в школу. Слава богу, это был лишь подготовительный класс.

Звонок владельцу дома был совсем другой историей. Неприятной историей.

– Миссис Блейкли, когда ваш муж сможет мне перезвонить?

– Я даже не знаю, миссис Палмер. История с домом его огорчила. Мы не знаем, почему это случилось.

– Потому что обогреватель был старым, в плохом состоянии и его долгое время не ремонтировали. Вот почему это случилось! – глухо рассмеялась Крис.

– Ах, понятно. Вы конечно же заявили о поджоге?

– Поджоге?!

– Может быть, вы... курили?

– Я не курю! Послушайте, у меня двое маленьких детей, и мы все чуть не погибли! Мы даже не успели забрать ключи от машины из дома, он сгорел так быстро! Пожалуйста, запишите мой номер!

– Нам не нужен ваш номер, милочка, пока полиция знает, где вас найти.

– Что?

– Конечно, мы не хотим выдвигать никаких обвинений, пока расследование не закончится, но я возьму с вас слово, что вы не покинете город.

Крис на минуту потеряла дар речи. Затем благодаря хитрости, которой слишком поздно научилась у своего бывшего мужа, – она надеялась, что в данный момент он подвергается какой-нибудь изощренной пытке, которая оставит ужасные шрамы, – испустила понимающий вздох.

– Миссис Блейкли, – спокойно сказала она, – мой адвокат поручил мне узнать, когда ваш муж сможет прийти на встречу. Думаю, нам лучше поговорить до продолжения медицинского обследования моих детей, чтобы вы были точно проинформированы обо всех расходах и исках, которые последуют за этим.

– Обследование? Какое еще обследование?

– Отравление дымом, возможные внутренние повреждения и травмы мозга. И конечно же стресс, ушибы, эмоциональное...

– Диктуйте номер!

Она назвала номер Майка.

Трубку повесили.

* * *

Муж Крис был мошенником. Махинатором. Интриганом. Проходимцем, лжецом, просто неприятным человеком. Но она не смогла этого доказать. Горькая правда заключалась в том, что Крис очень хорошо знала все его недостатки, но понятия не имела, чем он зарабатывает на жизнь. Или что он сделал с ее деньгами. Уму непостижимо: она вообще ничего не знала о человеке, с которым жила в браке четыре года. Все потому, что была по уши влюблена в него, смотрела на все сквозь розовые очки и не хотела ничего замечать.

Пока дети смотрели телевизор, она вспоминала прошлое. Оно было чересчур полосатым. Бедная тетя Флоренс.

Дед Крис занялся мебельным бизнесом, когда был еще совсем молодым; женился он уже в зрелом возрасте. Когда отцу Крис было двадцать два и он женился, дедушка был готов уйти на пенсию. Его компания, «Палмер-Хаус», пользовалась большим успехом и уважением. Крис родилась в семье, состоявшей из ее молодых родителей, пожилых бабушки с дедушкой, младшей сестры отца и кучи денег.

Когда Крис была маленькой, ее тетя Флоренс во всем ей потакала, играла с ней и во всем помогала. Она покупала ей кружевное белье и дорогие украшения к каждому платью. Когда Крис подросла, они стали вместе путешествовать – в Гонконг, Лондон, на Тибет. Они накупили

много кожи, золота, серебра и нефрита и едва смогли все это довести. Когда Крис исполнилось восемнадцать, Фло внесла аванс за ее машину – «ягуар».

Но ярче всего Крис вспоминала телефонные звонки и письма; ей их так сейчас не хватало. Пока Крис училась в Принстоне, она каждый день писала Фло электронные письма. И тетя Фло всегда отвечала на них. Крис, изучающая литературу, не могла поверить, что на протяжении четырех лет будет читать все великие произведения. Она очень хорошо училась. И любила книги, особенно регентские и викторианские романы от Остин до Бронте. Также ей нравились дешевые любовные романы, которые можно было купить за гроши. Тете Флоренс тоже; они обе решили, что каждый заслуживает незамысловатый счастливый конец. Они часто обсуждали книги, как другие женщины обсуждают свои любимые сериалы.

Они были так близки: лучшие друзья во всем, доверяющие друг другу.

Флоренс не вышла замуж – осталась старой девой. Старше Крис всего на четырнадцать лет, она была для нее скорее сестрой, а не тетей. Пятилетняя Крис долго рыдала, когда Фло уехала в колледж. В выходные она весь день сидела у окна, дожидаясь ее возвращения. Фло была умной, утонченной, модной и богатой. А также властной, очень независимой, амбициозной и невероятно упрямой. Преданной, но иногда и подавляющей. Могла быть не в меру веселой или занудной, в зависимости от настроения. Вот такие сложились отношения между племянницей и тетей. Какая разница, что Фло старше?

Крис, ее родители и Флоренс всегда жили на одной улице. Фло вела домашнее хозяйство в старом семейном доме у реки после того, как ее родители – сначала отец в возрасте семидесяти двух лет, а затем мать в возрасте шестидесяти четырех – умерли. Тете тогда было только двадцать один, и Крис смутно помнит спор о том, что Фло лучше переехать в дом Рэндальфа, чем жить одной. Очевидно, Флоренс настояла на своем.

Мама Крис, Арлин, по которой Крис по-прежнему скучала, была авторитетом для всей семьи. Крис очень хотелось вернуться к запахам раннего детства: одеколону отца, маминой выпечке, шубам Фло. Арлин шутила, что вышла за Рэндальфа и женилась на Флоренс. Она и правда была как жена для каждого из них, представляя их обоих на благотворительных мероприятиях. Общественная жена и опекун в одном лице. Рэндальф и Флоренс унаследовали семейный бизнес и занимались им. Арлин не работала с ними, но заботилась о всей семье как могла. Вот такой была их семья. Палмеры из Чикаго. Рэндальф, Арлин, Флоренс... и Кристин.

Затем случилось ужасное: Арлин и Рэндальф погибли. Им было только сорок. Слишком рано. Крис приехала домой из Принстона помочь Фло с похоронами. Это было ужасно. Она не вернулась в колледж. Да и зачем? Чтобы изучать литературу?

Она познакомилась со Стивом в ночном клубе. Стив Занук. Друзья называли его Стивером. Отчаянный, самовлюбленный красавчик Стивер. Он был на пару лет старше Крис, и тетя Флоренс сразу же озлобилась, как будто ревновала ее, как будто не хотела, чтобы Крис влюблялась. Фло считала, что он ей не пара, как она сама это тактично говорила. Крис, которой хотелось любви, решила, что ее опечаленная тетя стала злой и эгоистичной. Стив сказал, что Флоренс зануда и пытается ею манипулировать. Она ей просто завидует, это же очевидно. Итак, Крис переспала со Стивом, вышла за него замуж и подала в суд на Фло, управлявшую недвижимостью ее родителей, за то, что она пользуется ее собственностью. Что с ней случилось? Почему она так поступила? Он одурманил ее сексом и лестью? Она была так уязвима и так одинока, она действовала как в тумане. Она прожила так целых четыре года? Боже, как же она была глупа!

Попытка вырваться из того кошмара сделала свое дело: Крис повзрослела, у нее появились определенные цели, например написание книги, но также она стала чувствовать непреодолимое одиночество. Когда-то у нее было много друзей, даже больше, чем необходимо. Последние же годы она провела в уединении. Попытка сделать что-то по-своему, стать независимой, уверенной в себе привела лишь к полному отсутствию людей в ее жизни.

Крис посмотрела на детей, сидящих спиной к ней: они глазели в телевизор, очарованные роскошью. Палец Кайла выглядывал из пижамы. И это все, что у него сейчас было. Поэтому, чтобы дети не страдали от лишений, ей придется позвонить тете Фло. Ради них.

Крис надеялась как-нибудь изменить обстоятельства в свою пользу. Ей ни за что не вернуть потерянное наследство, но, по крайней мере, она может стать независимой матерью-одиночкой. А пока она лежала на кровати в чужом доме, зная, что придется взять на себя ответственность за ошибку, которую совершила. Поскольку Фло оказалась права насчет Стивера, она могла бы сказать: «Почему ты раньше меня не послушала? Ты позволила этому негодяю забрать все, что Рэнди оставил тебе! Ты когда-нибудь повзрослеешь?»

«Наверное, да, – подумала Крис. – Наверное, я уже повзрослела».

Вот почему звонок тете был самым последним из всех возможных вариантов. Она любила Фло, очень по ней скучала, но не думала, что та обрадуется ее звонку.

Конечно же она заслужила ее гнев и презрение, но...

Может быть, Фло простит ее? Будет снисходительна?

А может быть, повесит трубку, как это сделала жена владельца дома. Или спросит: «Какая Крис?»

– Привет, мам! – прокричал Майк, направляясь через гостиную к кухне. – Мам?

– Да, да, да, – отозвалась она из кухни. – Я по локти в тесте. Входи. Входи же.

Она отложила тесто и повернулась к нему. Нахмурилась.

– Похоже, ты проголодался. Но выглядишь хорошо.

Он рассмеялся и поцеловал ее в лоб.

– Я вешу слишком много и не голоден. – Он взял печенье из вазы. – Не очень голоден.

– Похоже, у тебя была спокойная ночь, – сказала она, быстро отвернувшись от него к своему тесту. – Никаких мешков под глазами.

– Ничего особенного, – ответил он, стоя в кухне и наблюдая за ней. Она посмотрела через плечо, и Майк улыбнулся. Затем поежился. Они оба знали, что она не спала, и обоим это в какой-то степени было приятно. – Где отец? – спросил Майк.

Но ей не пришлось отвечать. Послышался шум воды в туалете, дверь ванной открылась, и вышел отец Майка, низкорослый, мускулистый и плотный лысый ирландец. В руках у него была газета, а на носу – очки. Его также звали Майк.

– Кажется, кто-то соврал, – произнес он. – Наш малыш Майки в полночь поехал на вызов со скоростью около девяноста пяти миль в час после второго звонка.

– Вот как? – сказала мать Майка не оборачиваясь. – Я не слышала. Спала как убитая.

– Мы поехали на Сорок вторую улицу, четыре квартала к западу, – объяснил Майк. – Дом сгорел дотла. Это один из домов в Бельведере.

– Все в порядке? – спросила мать, обернувшись. – Пожарные тоже?

– Все живы-здоровы. На самом деле я зашел сюда из-за пожара, что случился прошлой ночью. Мам, я совершил безумный поступок. Ребята, наверное, думают, что я сошел с ума. Пострадавшая, у которой сгорел дом, – молодая разведенная женщина с двоими милыми маленькими детьми, трех и пяти лет. Им некуда пойти, и я предложил им пожить у меня. Могу я остаться у вас? Может быть, на пару ночей? Пока они не решат свои проблемы?

– Свой дом? – переспросила она, отложив тесто и вымыв руки. – Ты отдал им свой дом?

– Нет, мам, нет. Я не отдал им дом. Я предложил им место, где они могут остановиться, пока не уладят свои проблемы. Послушай, она очень молода, ей еще и тридцати нет; думаю, она ровесница Марджи. И у нее нет никого, кроме детей. Скоро Рождество, а все эти приюты... – запнулся он.

Его родители посмотрели на него как на сумасшедшего. В любой момент он ожидал, что мать нахмурится.

Майк не знал, как объяснить, что он почувствовал, представив этих детей в одном из ужасных приютов их города. И то, что он чувствовал, когда они оказались у него дома. Что-то особенное, что-то личное влекло его к ним. Возможно, он никогда бы так не поступил, если бы их мать, Крис, не была привлекательной. Он кратко оценил ее: хороша собой и решительна. Он был поражен их беспомощностью... всех троих... и даже глупой собаки. Им не позволили бы держать собаку в приюте, а детям она нужна. Он не понимал, что с ним происходит.

– Переполнены, – наконец сказал он. – Эти приюты и так переполнены.

– Они могли бы остаться здесь, – ответила мать.

– Нет, мам. Моего дома вполне достаточно.

– Эта женщина... Она симпатичная?

– Мама, она только что лишилась дома, к тому же мы мало общались. В любом случае, думаю, это продлится лишь несколько дней. Кстати, – проговорил он, обращаясь к отцу, – у тебя есть свободный час? Мне нужна помощь; ее машина все еще возле дома. Было проведено расследование, и команда уборщиков обнаружила ее кошелек и ключи. Ты сможешь поехать со мной, чтобы я потом пригнал ее машину?

– Конечно, – медленно ответил Большой Майк, посмотрев на сына поверх очков так, словно думал, что того надо отправить в дом отдыха, пока он не придет в себя.

– Вот и отлично.

– Вот и отлично, – хором отозвались родители.

– Чем еще мы можем помочь? – спросила мать. – Им нужна одежда?

– Раз уж ты спросила... Помнишь коробку с игрушками и раскрасками, которые ты даешь детям, когда они приходят? Можешь одолжить ее малышам?

– А как насчет еды?

– Нет, спасибо, – рассмеялся Майк. – Только игрушки. У меня полно еды.

– А одежда?

– Нет, не надо...

– Что у них есть из одежды? – спросила она.

– Мэтти, не беспокойся, – урезонил ее Большой Майк.

Он был намного ниже своего сына, которого все называли Маленьким Майком. Большой Майк остановил свою жену, словно боялся, как бы она не зашла слишком далеко. Мэтти – сокращенно от Матильды – и Майк Кавано обеспокоенно смотрели на своего огромного сына, выглядевшего беспомощным.

– Не переживай, мам, – проговорил Майк, дотронувшись кончиком пальца до ее носа. – Они не голые. По моему дому не бегают голые женщины и дети. Можно я переночую у вас?

– Конечно, сынок. Позволь мне дать тебе булочек для нее. Я их заверну, а она разогреет к ужину. Ты будешь ужинать здесь или с ней?

Майку показалось, что она подчеркнула это «с ней». Ведь его сестры, Марджи и Морин, приводили в дом достаточно много католичек, свободных и без детей.

– Она с радостью примет булочки, мам. Спасибо. Я завезу Большого Майка через час. Затем вернусь домой и отнесу в гараж инструменты и все остальное, что может причинить вред детям. А поужинаю здесь. Вернусь около пяти. Я не причиню вам неудобства?

– Нет, конечно, – ответила Мэтти, глядя его по щеке. На самом деле она похлопала его по щеке, но сделала это очень нежно.

Часом позже, когда состоялся обмен машинами, Большой Майк вошел в дом. Мэтти вышла из кухни, вытирая руки полотенцем.

– Ну? – спросила она мужа.

– С ними еще и собака, – сообщил он. – Женщина, хорошенькая, двое детей, очень милые, как он и сказал, и собака, совершенно невоспитанная.

Он прошел к своему любимому креслу и взял газету, которую прочитал уже два раза. Большой Майк год был на пенсии, но еще не осуществил ни один из проектов, на которые откладывал деньги.

– Думаешь, собака испортит его ковер? – обеспокоилась Мэтти.

Большой Майк плюхнулся в кресло. Встряхнул газету – она лучше читалась после хорошей встряски – и взглянул на жену поверх очков:

– Мэтти, четыре раза ты видела, как твои мальчишки влюбляются и женятся. Два раза ты ходила с нашими девочками в свадебный магазин и заставляла меня пойти в химчистку, прежде чем позволить мне повести их к алтарю. Почему ты ведешь себя так, будто ничего не знаешь о собственных детях? Эта собака может делать что угодно, Майку все равно. Следи за всем сама, если тебя это волнует, – ответил муж, снова встряхивая газету. – Маленький Майк решил оставить даже собаку. Она просто ужасна. Ее зовут Крипс.

– Булочки? – спросила Крис.

– Послушайте, вам еще повезло, что она не пришла сюда помыть вас, одеть и накормить с рук. Стоило мне сказать, что ваш дом сгорел, и моя мать почти удочерила вас всех, даже не видя.

– Это было бы здорово, – ответила Крис. – Ваш отец выглядел... Даже не знаю, как сказать... Молчаливым. Сдержанным. Подозрительным.

– Подозрительным, – повторил Майк. – Я никогда не делал ничего подобного раньше. Во всяком случае, он не обыскал вас.

Майк принес из гаража еще два пакета с продуктами и поставил их на пол.

– Зачем ему обыскивать меня?

– В течение десяти лет мать и сестры безуспешно приводили домой милых девушек. И вдруг я заявляю, что предложил вам с детьми пожить у меня, – смеясь, объяснил он. – Когда я сказал им, что сделал, первое, о чем спросила моя мать, было: «А она хорошенькая?» – Майк решил не рассказывать Крис, как его мать относилась к разведенным женщинам. Он сделает это позже. Или не сделает никогда. – Я же говорил, что постоянно удивляю их. Я – особый случай после смерти Джоани.

Он снова ушел и вернулся еще с двумя пакетами.

– Вы хотите, чтобы я все это выкинула? – спросила Крис.

– Пожалуйста, – ответил он, внося еще пакеты.

– Боже, это потому что мы здесь. Вам не следовало этого делать. Я чувствую...

– Возможно, голод. Булочки надо разогреть. Положите их на солнце – сюда, на подоконник.

Майк занес в дом остальные пакеты. Всего восемь. Он чувствовал прилив сил оттого, что принес так много еды в дом. Это настоящая забота о людях, не похожая на то, что он обычно делал. Скажем, дарил подарки своим родственникам. Они, разумеется, с благодарностью их принимали, но на самом деле не нуждались в них. Они могли прекрасно обойтись и без его подарков. То, что он давал семье, было несущественным, неважным. Сегодня же он в первый раз после смерти жены и дочери принес домой столько всего. Майк почувствовал прилив радости.

Затем он принес несколько сумок и коробку с игрушками, которую отнес детям в гостиную. В кухне Крис пыталась разобраться в многочисленных шкафчиках.

– Я не совсем понимаю, Майк, куда что класть. У вас здесь немного еды.

– Я почти никогда не ем дома. Моя мама умерла бы от горя, если бы не смогла кормить людей все время. Я хожу к родителям почти каждый вечер. Вот здесь я храню чипсы, пиво, кофе, газировку, хлопья и яйца. И туалетную бумагу. Я даже не покупаю газеты.

Он достал кошелек, вынул оттуда несколько счетов.

– Я встретил владельца вашего дома, и он попросил меня передать вам вот это, чтобы продержаться первое время. Я кое-что купил для детей, и им не придется ходить в пижамах по улице. Я взял бы что-нибудь для вас, но не знал...

Она разочарованно посмотрела на него:

– Мистер Блейкли?

– Так его зовут?

– Вы лжете, Майк. Вы не встречались с ним.

Его поймали на лжи, но ему было все равно.

– Вы уверены?

– Я разговаривала с его женой. Они собираются подавать на меня в суд.

– Подавать на вас в суд?

– По всей видимости, да. Мне придется защищаться.

– Негодяй. Вот, – он достал деньги, – вы вернете мне потом. Вам нужны деньги, чтобы защититься от этого мерзавца.

Она улыбнулась, но не решалась взять деньги.

– Спасибо. Но почему вы мне прямо не рассказали?

– Я боялся, что вы ничего не примете. Вы слишком много страдаете, Крис. Похоже, вам это даже нравится.

– Нет, – ответила она, чувствуя легкую дрожь оттого, что он назвал ее Крис. Отец всегда так называл ее. – Нет. Мне просто не везет, и я не встречаю хороших людей – тех, кто не напивается и не общается с угонщиками. Я принимаю от вас так много, что чувствую себя виноватой. А мне не хочется этого.

Его лицо вспыхнуло.

– Вы католичка?

– Нет, – сказала Крис смущенно.

– Так вы хотите сказать, что в вашей религии считается грехом брать что-нибудь, если нет ничего своего?

– Да бросьте, – вздохнула она, взяв деньги.

– Думаю, это подойдет детям, – сказал он, взяв пакеты из магазинов. – Я даже не отважился предположить ваш размер... Впрочем, вам хорошо и в том костюме. Он не последней моды, но и не пижама.

– Люди ходят в наш супермаркет и не в таком виде. Но почему вы все это делаете? – мягко поинтересовалась она.

– И сам не знаю, – ответил Майк. От невероятной откровенности у него пропала ямочка на щеке, а брови снова нахмурились. Он знал, что такая мимика делает его слишком строгим, но не отвел взгляда. – Но я это делаю. И хочу делать. Просто примите эти вещи. Хорошо? Пожалуйста.

– Майк, я ценю ваше участие. Очень щедро и мило с вашей стороны, но...

– В шкафу в комнате с письменным столом вы найдете принтер. Можете подсоединить к своему ноутбуку. Вам придется купить бумагу. У меня также беспроводной Интернет. И возьмите ключи от дома.

– Майк, – медленно произнесла Крис, – у вас какие-то безумные фантазии обо всем этом? Об этих бедных детях. Вы ведь большой пожарный, который...

– Прекратите, – ответил он, поднимая руки, словно кто-то направил на него пистолет. – Пожалуйста, прекратите! Не начинайте. Я давно, очень давно потерял семью, у меня больше нет фантазий. Скоро Рождество. Я не пытаюсь заставить вас чувствовать себя благодарной или виноватой. Я не строю никаких планов. Просто так случилось. Они хорошие дети и слишком малы для такого несчастья. Просто позвольте мне вам помочь. Я ничего не ожидаю. Пусть будет так, как будет.

- Вы слишком много делаете для человека, которого вообще не знаете, – сказала она.
- Вы все нашли? Спальни? Ванные комнаты? Полотенца? Вам нужно что-нибудь еще?
- Нет. У вас чудесный дом.

– Итак, у вас есть ключи и одежда для детей. Идите купите что-нибудь себе, хорошо поужинайте, примите ванну с пеной... Расслабьтесь. В шкафу в столовой есть ликер, если вы пьете. Обогревателем пока лучше не пользоваться. Видите, ваша черная полоса неудач сменилась белой! И, Крис... Я ни в коем случае не хочу обижать вас, но от вас пахнет как от мусорного ведра.

Глава 4

В одной сумке из магазина были три пары вельветовых брюк, три футболки, пижама, белье и носки и пара теннисных туфель – размер почти подходил – для Кайла. В другой сумке – вещи для Кэрри розового, светло-фиолетового и белого цветов: брюки, футболки, белье и кеды. Все ценники были удалены, словно это подарки. «Что ты чувствовал, Майк, покупая эти вещи для детей?» – хотела спросить его Крис. Но даже будь он рядом, пока она разбирала вещи, ей не хватило бы духу задать этот вопрос.

Она подозревала, что Майк скажет, будто нуждался в этом долгое, очень долгое время. Крис вспомнила, как он тушил пожар, его сосредоточенное лицо, по которому стекал пот вперемишку с копотью. Он казался таким сильным и мужественным и в то же время таким нежным. В его мягких зеленых глазах светились доброта и человечность. Казалось, он все делает от чистого сердца, а не потому, что этого требует разум или логика. Вбегать в горящий дом и спасать жизни – что же в этом разумного?

Ее вытащили из огня; едва ли можно себе представить более уязвимое положение, чем это. Он спас ее, вынес на себе. И сделал это мастерски.

Майк так быстро, так смело рассказал ей о том, что потерял семью; в его голосе не было ни небрежности, ни мелодраматичности, он рассказал все открыто. Предельно откровенный, но больше не испытывающий чувства боли. Простой мужчина, который изъяснялся напрямую; он предоставил им приют просто так, потому что все равно почти никогда не бывает дома, потому что дети еще слишком малы для такой неудачи и потому что приюты ужасны... еще и потому что у него когда-то была дочь. Это немного успокоило Крис; ее собственная боль еще не прошла, и она с нетерпением ждала того момента, когда сможет спокойно говорить о случившемся как о далеком прошлом, а не о настоящем.

«Давайте договоримся, Крис, ваша дочь напоминает мне мою...»

Майк убрал в гараж инструменты перед тем, как уехать, чтобы дети случайно не поранились. И спросил, не затруднит ли Крис оставлять ему записки на холодильнике, чтобы он знал, пошла ли она по делам, по работе или куда-нибудь еще. Он вовсе не собирался контролировать ее. Просто будет заезжать время от времени за своими вещами, и ему не хотелось, чтобы они натыкались друг на друга, путались друг у друга под ногами или еще как-нибудь смущали друг друга. Он также дал ей номер домашнего телефона своей матери и своего мобильного, по которому он сможет ответить, когда выезжает на место пожара. Крис казалось, будто ей дали все, включая место и уединение. Впрочем, он имел полное право задавать вопросы.

Крис рассказала ему по возможности мало о себе, поскольку история ее жизни была слишком запутанна и невероятна. Загадочная Крис, одинокая женщина со своими детьми и злобной собачонкой. Она составила свое мнение о нем за день.

Его глаза немного грустные, и причина известна. Сейчас у него нет усов, но на фотографии, которую она обнаружила, пытаясь найти телепрограмму, он был с густыми коричневыми усами. Его сфотографировали в футболке с эмблемой их центра в Сакраменто; он был моложе и менее умудрен жизненным опытом, его щеки – более впалыми, глаза – широко раскрыты, без морщинок. Он выглядел симпатичнее, но не привлекательнее. Вот таким был мужчина, в которого влюбилась Джоани. Сильный, подтянутый, перспективный, молодой.

Крис нравилось, как он выглядит сейчас. Его мужественность, зрелость, даже грусть придавали взгляду глубину, в которую женщины могли погрузиться в поисках комфорта или удовольствия. Каждая черточка его лица отражала чередование боли и горя, сострадания и большой любви. Когда Майк Кавано предложил ей и детям жилье, а затем принес в дом все эти мешки с продуктами, Крис почувствовала тепло, словно ее накрыли теплым одеялом. Майк казался уверенным в себе, крепким, сильным. Он был не из тех мужчин, которые падают, когда

наклоняются, предположила Крис. Она совсем не знала его, но чувствовала себя в безопасности. Надеялась, что чувство не возьмет над ней верх.

Крис и раньше чувствовала себя в безопасности. Она была единственным ребенком, а потому считала себя защищенной, затем внезапно осиротела. Она зависела от бескорыстной любви тетки, потом почувствовала себя покинутой из-за гнева Фло. Далее – после трех судебных разбирательств – снова была в безопасности, с кучей денег, мужем, которого любила, и ребенком. Казалось бы, что могло пойти не так?

Она попыталась спросить Майка, пытается ли он компенсировать таким образом свою потерю. А он ответил: «Перестаньте. Просто перестаньте, хорошо? Пусть все будет так, как есть. – И затем, вздохнув, добавил: – Пожалуйста».

Крис знала, что причина не только в этом. Она почувствовала знакомое влечение. Ее манили его сила, руки, загорелое лицо и выющиеся волосы, яркая робкая улыбка. Ямочка. Слишком долго ее тело молчало. Крис была потрясена этим внезапным, спонтанным открытием. Она чувствовала, что Майк испытывает то же самое. Да, он делал это все для детей, но так смотрел на нее, что она поняла: он пытается скрыть свое влечение к ней. Ей было интересно узнать его настоящие мотивы. Может быть, он хотел женщину. Или семью. Не мог заметить то, что потерял, но мог восполнить те эмоции, которые испытывал, когда они были живы. Ощущение того, что ты нужен, что ты не одинок. Это можно было сделать, предоставив жилье. Но он не знал, что пытается помочь женщине, которая ужасно боится быть зависимой.

«Просто крыша над головой», – сказал он. Она напомним ему об этом в случае необходимости.

Крис нацарапала записку: «Пошла в магазин, на почту, в «Айверсон», к няне и в сгоревший дом. Буду дома весь вечер. Спасибо. *Крис*».

Она натянула брюки и футболку и была рада, что ее мокасины на резиновой подошве. Крис купила две пары голубых джинсов, две блузки, нижнее белье и кеды. Скромный шопинг. Крис приобрела только необходимый минимум, притом на распродаже, но потратила почти все деньги, которые дал Майк.

Она зашла в «Айверсон» за новой формой, чтобы вернуться к работе. Ее начальник и коллеги посочувствовали и предложили помощь. Все это ее очень глубоко тронуло, но в то же время заставило почувствовать себя еще хуже. В конце концов, какое она имеет право на такую заботу и помощь? Она была богатой наследницей, но оплошала. Она чувствовала себя самозванкой. В такие минуты Крис скучала по матери. Та бы ее поняла.

На обратном пути Крис заехала домой к Хуаните Хименес объяснить причину перерыва и спланировать новый график для няни, когда она вернется на работу. Затем поехала к старому дому, который был огражден лентой, чтобы туда не бегали соседские дети. Кэрри и Кайл остались в машине. Дом был полностью разрушен, но некоторые из книг, которые она успела запихнуть в холодильник, сохранились. Она забрала их с собой в дом Майка, но оставила возле гаража, чтобы проветрились.

Крис приготовила себе и детям простой скромный ужин. Она не хотела брать много продуктов из тех, которые купил Майк. Она заплатит ему потом в любом случае. Затем она вымыла голову жидким мылом, чтобы избавиться от запаха гари; ей было не по карману покупать шампунь. Она взяла немного у Майка. Ее было не обмануть появлением нового, нетронутого тюбика зубной пасты в ванной, которой он, очевидно, никогда не пользовался. На самом деле здесь было много новых, запечатанных предметов, но сам-то он пользовался ванной рядом с главной спальней! Там стояли наполовину использованные тюбики и баночки. Вряд ли он пользовался лосьоном для тела или детским порошком.

Крис искупала детей, дала им мороженое и немного поиграла с ними. Она рано уложила их спать. Затем приняла ванну и устроилась в гостиной, прихватив бокал бурбона. Дома она носила джинсы, потому что у нее не было денег на покупку пижамы. Большой велюровый диван

был мягким, а фильм по огромному телевизору оказалось интересно смотреть, как в кино. И она ждала.

Ждала Майка. Она ведь оставила записку. Интересно, он заедет? Проверить, как она справляется. Спросить, нужно ли что-нибудь еще. Посмотреть, не украла ли она телевизор. Убедиться, что с детьми все в порядке.

Но Майк не пришел. Возможно, он даже не заезжал в их отсутствие и не видел записку.

На следующий день она опять оставила записку: «Ушла по делам, вернусь в шесть. Буду дома весь вечер. Спасибо за все. К.».

Но очевидно, он опять не приходил. И телефон не звонил, пока она была дома. Очень странно. Крис чувствовала, словно Майк окружил ее и был повсюду, но все же вне пределов видимости и досягаемости. Как Санта-Клаус. Или Бог.

Она решила поискать какую-нибудь книгу и обнаружила небольшую библиотеку в главной спальне; вошла туда, чувствуя себя при этом виноватой. Ей казалось, что она вторгается во что-то личное. Книги на полке были в основном приключенческими и шпионскими романами – типичная литература для мужчин. Касслер, Ле Каре, Ладлэм, Фолет, Шоу. Что-то из Стивена Кинга. Открытая книга, лежащая на тумбочке, была новым бестселлером Дэна Брауна. Эти книги создали у нее хорошее впечатление о Майке; он читал для удовольствия, для развлечения, чтобы воображать, расширять кругозор. Крис писала по такой же причине. Затем она пошла в его кабинет и застелила там диван.

– Итак, что у нас здесь, – громко сказала она, открыв дверь в кладовку.

Принтер стоял на маленьком книжном шкафу. Там была совершенно другая литература. Собрание сочинений Диккенса, Лондона, Мэлвила, Толстого, даже Остин. Там было старое издание «Книги джунглей», детское издание «Тома Сойера» и другая классика. Книги в переплетах и обложках. «Маленький принц» и «Иллюзии» Ричарда Баха. Он их читал или они были здесь по другой причине? Они принадлежали его жене? Наконец, Крис выбрала «Моби Дика» и, нежно поглаживая книгу, спустилась в гостиную, чтобы насладиться роскошью. И подождать.

Подождать его. Какой по характеру мужчина может это сделать? – снова спросила она себя. Дать ключи от собственного дома совершенно незнакомому человеку, у которого, очевидно, большие проблемы. И быть совершенно спокойным. Такой человек не мог не нравиться. Ей нравились его дом, его щедрость, его забота о несчастных детях. Только она не могла понять, нравится ли он ей как друг или как мужчина. И это ее беспокоило.

Затем наступила пятница, третий день их пребывания в дома Майка. Крис понимала, что не следует все усложнять. Но она хотела больше узнать о человеке, у которого было столько интересных книг и который одел и накормил их, потому что все «просто так произошло». Она снова написала записку: «Буду в библиотеке до 2 ч. Встреча в городе с владельцем дома в 2.30. Вы любите тако? Мы поужинаем около 5.30— 6 ч. Приходите, если сможете. К.».

Крис вернулась домой в четыре. Наверху ее записки было написано карандашом: «Я принесу пиво. М.».

Крис приняла душ и вымыла голову. Ей не терпелось ощутить его присутствие, его одобрение и заботу. Она пообещала не занимать его дом на долгое время, но ей хотелось узнать немного больше о человеке, спрятавшем все инструменты, чтобы не поранились дети, о мужчине, хранившем классику в одной комнате и современную литературу – в другой. Мужчине, который принесет пиво, несмотря на то что в холодильнике и так есть пиво. Он был здесь, но его присутствие не оставило никакого знака. Он был здесь каждый день? Ждал такого приглашения?

Майк уже не сможет уйти из ее жизни, не оставив следа; она уже не сможет забыть его. Он прочно вошел в их сердца. Их жизнь может измениться навсегда. Как самое незначительное действие способно изменить все.

Приехав, он позвонил в дверь. Кэрри впустила его, и Чикс сразу же зарычал.

– Здравствуйте, мистер Кабино, – сказала девочка. – Мама, мистер Кабино пришел к нам в гости. Наша мама очень аккуратно себя ведет в вашем доме.

– Кэрри, ты можешь звать меня Майком, – ответил он, беря ее на руки. Она была легкая как перышко. Под рукой у него был большой коричневый бумажный пакет. – Тебе уже лучше?

– Разве я была больна? – удивилась малышка.

– Нет, но твой дом сгорел.

– О, это был не мой дом, мы его снимали. Раньше у нас была квартира. Вам уже лучше?

– Разве я был болен? – широко улыбнулся Майк. Ему нравилась игра этого очаровательного ребенка.

– Нет, но мама говорит, что мы заняли ваш дом.

Он весело рассмеялся. Его смех прогремел по дому, и Чикс почти потерял самообладание, угрожающе зарычав.

– Я одолжил его вам, потому что мне так хотелось. Объясните ему, что это мой дом!

– Может быть, если поделитесь с ним тако, вы ему понравитесь.

– Ну уж нет. Мне все равно, нравлюсь я ему или нет.

– Он вас может укусить, если вы не поделитесь, – сообщила девочка.

Майк посмотрел на нее, изобразив такой испуг, что она разразилась хохотом и захлопала в ладоши: шутка удалась.

– На самом деле он вас не укусит, – успокоила она.

Майку очень хотелось бы, чтобы взрослые смотрели друг на друга так же, как это делают дети. Детский взгляд такой открытый, такой любопытный. Они хотят видеть вас. Они смотрят прямо. Не вздрагивая и не чувствуя стеснения, смотрят вам в лицо, чтобы видеть, из чего вы сделаны, что вы собой представляете. И им абсолютно все равно, что вы видите, как они смотрят на вас. Будь взрослые на такое способны, дружба не отнимала бы столько времени.

– Думаю, мы сегодня можем зажечь огонь, – сказал он. – На улице так холодно и дождливо.

– Мама сказала, что камин совсем новый.

– Я им пользуюсь. Пойдем, – сказал он, забыв, что несет ее на руках в кухню, где Крис разрезала мясо.

Не многим нравились тако, но Майку показалось, в кухне пахнет удивительно по-домашнему. Вероятно, она еще испекла хлеб. Может быть, на ней даже вечерний наряд; она прибралась действительно хорошо. Но на ней были джинсы. Его взгляд задержался чуть ниже ее спины, хотя, когда она повернулась поприветствовать его, он виновато поднял глаза. Крис улыбнулась и поздоровалась, а он покраснел, потому что подумал о сексе и боялся, что она догадалась. Много времени прошло с тех пор, когда у него была подобная реакция. Майк почти не знал эту женщину, но не мог ждать. Он чувствовал и стыд, и облегчение. И верил, что эта часть его не изнасилась. А также надеялся, что не сильно разочаруется, когда не получит того, что хочет. Он протянул ей пакет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.